

Томский государственный университет

СИБИРСКОЕ ДЕНЬЕ

Книга для учителя

Издательство Томского университета
2008

ИССЛЕДОВАТЕЛИ СИБИРИ

«Открытие Сибири» (А. Окладников), осознание её масштабов и культурно-исторических связей началось давно и прошло ряд этапов. Отписки воевод и «сказки» казачьих атаманов – источник сведений о быте сибирских народов, растительном и животном мире Северной Азии в первый период русской колонизации.

Часто проводят параллели между открытием Сибири и Америки. Русские первопроходцы делали настоящие географические открытия, но, подобно Колумбу, не понимали их значения. С.В. Бахрушин писал по этому поводу: «Такого огромного масштаба, такой быстроты и энергии в исследованиях новых стран не знала история мировых географических открытий». Так, Семён Дежнёв открыл пролив между Азией и Северной Америкой, но его сообщение затерялось в архивах, и пролив назван именем Беринга. Иван Петлин и Николай Спафарий описали путь в Китай (конный и речной); Максим Перфильев, Владимир Атласов – путь на Камчатку, Ерофей Хабаров – по Амуру и т. д. Точную характеристику одного из них, В. Атласова, дал академик Л.С. Берг: «Человек малообразованный, он вместе с тем обладал недюжинным умом и большой наблюдательностью, и показания его, как увидим далее, заключают массу ценнейших этнографических и вообще географических данных. Ни один из сибирских землепроходцев XVII и начала XVIII в., не исключая самого Беринга, не даёт таких содержательных отчётов». Вместе с тем известно, что Атласов был бит кнутами за дерзкое воровство, был жесток с подчинёнными казаками, которые и убили его в 1711 г. В XVII в. появились первые, ещё весьма несовершенные, опыты картографического описания приобретённых территорий. Эту работу продолжил Семён Ремезов, которого следует считать пер-

вым сибирским интеллигентом. Он был картографом, историком и архитектором.

Исторические труды *Семёна Ульяновича Ремезова* – «Описание о сибирских народах» и «Описание истории сибирской» – первые шаги русской науки в описании Северной Азии, в частности в этнографии. Это уникальный источник сведений о народах Сибири грани XVII–XVIII вв. Сибиряк использовал татарские предания о ханах, основателях главных родов. Заслуги С.У. Ремезова – в зодчестве и картографии. По царскому указу он составил «Чертёжную книгу Сибири» (23 карты большого формата), ей предшествовал ряд частных карт. На основе сибирских летописей он сделал свод «Истории сибирской», представляющий собой переход от летописания к научной историографии. Ремезов некритически ввёл местные легенды, в том числе о Ермаке, но дал много ценных сведений о событиях конца XVI–XVII вв., о расположении племён, о первых русских поселениях.

Для изучения Сибири в царствование Петра I был приглашён из Германии Д. Мессершмидт, доктор медицины, человек разносторонних познаний. Он оставил первые научные описания быта и верований сибирских народов. В Минусинской котловине он нашёл каменную плиту с рунической надписью (её позднее перевёл В. Радлов), раскопал курган близ Абаканского острога и тем положил начало научной археологии в Сибири; до этого курганы раскапывали дилетанты или грабители-«бугровщики». В экспедиции Мессершмидта участвовал пленный шведский офицер Страленберг, описавший знаменитую Томскую *писаницу*.

Созданная в Петровскую эпоху академия наук организовала первые научные экспедиции в Северную Азию. Было предпринято две Камчатские экспедиции, вторая названа Великой Северной экспедицией (1733–1743). Возглавлял её опытный мореход *Витус Беринг*, датчанин по происхождению. Обследовали берега Камчатки, Курильские острова, морским отрядам была поставлена задача изучить пространство между Азией и Америкой. Отправившись с Камчатки, флотилия Беринга открыла и описала Алеутские и Командорские острова. Судно Беринга потерпело крушение, экипаж, высадившийся на остров, впоследствии названный его именем, почти весь погиб, в том числе и сам Беринг. Командорские остро-

ва также названы в честь командора Беринга. Несмотря на трагический исход, работа Великой Северной экспедиции была успешной: достигли берегов Северной Америки, Японии, описали много островов, исследовали климат, морские течения.

В сухопутный отряд входили молодой профессор Г.Ф. Миллер, по возвращении из Сибири ставший академиком, академик И.Г. Гмелин (ботаник), создавший книгу «Флора Сибири», а в «Путешествии по Сибири» описавший быт нескольких сибирских народов. Степан Крашенинников создал «Описание земли Камчатки». Трёхтомная «История Сибири», написанная Герардом Фридрихом Миллером первоначально по-немецки, – первый труд о Северной Азии, созданный на уровне тогдашней европейской исторической науки, повлиявший на последующих сибиреведов. В России не было ещё научных школ, и участвовавшие в этой экспедиции русские учёные были не руководителями, а рядовыми исполнителями. Миллер собрал обширный архивный материал по истории сибирских городов и народов. С его норманнской теорией спорил Ломоносов.

В 60–70-е гг. XVIII в. Академия наук вновь организовала несколько крупных экспедиций в Сибирь. Академик П.С. Паллас оставил топографическое и ботаническое описание лесостепной Сибири, И.И. Лепёхин – Западной Сибири и самой северной её части, И.П. Фальк и И.Г. Георги – Алтая и Прибайкалья, С. Крашенинников – Камчатки. Почти все работы имели универсальный характер в силу малой специализации учёных того времени. Так, Пётр Симон Паллас, получивший в 1768 году задание изучать геологию и ботанику Зауралья, в своей книге «Путешествие по разным провинциям Российского государства» собрал сведения этнографического порядка (книга «Исторические известия о монгольских народах»), делал археологические раскопки, пытался классифицировать языки Сибири. Отметив общность языков венгров, манси и хантов, он высказал предположение о существовании в глубокой древности пранарода Центральной Сибири, потомками которого являются современные племена степи и тайги. Эта гипотеза подхвачена лингвистами XX века, говорящими об урало-алтайской языковой семье.

Преобладала форма «учёных путешествий». Доктор медицины И.П. Фальк собрал много сведений о быте и уровне медицины

сибирских аборигенов. В этом аспекте заинтересовал его шаманизм. Ботаник И.Г. Георги создал книгу «Описание всех в Российском государстве обитающих народов». Труд этот интересен как первая попытка системного описания материальной и духовной культуры разных этносов. Если обобщения выглядят с позиции современной науки некорректными, то накопленный материал не утратил своего значения, тем более что некоторые народы Сибири с тех пор исчезли. В целом в XVIII в. был сделан прорыв в разностороннем научном описании Зауралья. Русские научные школы только начинали формироваться, исследователи Лепёхин, Зуев, Рычков участвовали в многолетних экспедициях на правах исполнителей, а не руководителей. Дальше исследовательская инициатива перешла к самим сибирякам.

«Сибирским Карамзиным» называли современники **Петра Андреевича Словцова** (1767–1843), автора обширного «Исторического обозрения Сибири». Он был помощником М. Сперанского в бытность того генерал-губернатором Сибири, занимался статистическим описанием губерний, инспектировал учебные заведения (отражено в его «Письмах из Сибири»). Словцов, проживший почти всю жизнь в Тобольске, создал первый минералогический кабинет, накопил материалы по географии и истории Сибири; он первым высказал мысль о необходимости местной, сибирской, интеллигенции, способной посвятить себя изучению родного края. В своём историческом труде Словцов спорил с норманнской теорией Миллера и отстаивал позиции сибирского патриотизма. Идею эту далее подхватили областники.

Ценнейшие сведения о древних народах Южной Сибири, содержащиеся в китайских хрониках, стали доступны в XIX в. благодаря подвижнической работе первого российского синолога **Никиты Яковлевича Бичурина** (в монашестве Иакинф, годы жизни 1777–1853). Закончив Казанскую духовную академию, он принял монашество и поступил в Тобольскую семинарию, а затем стал главой духовной миссии при посольстве в Китае. В Пекине миссионер Иакинф взялся за изучение языка и истории Китая и перевёл свод китайской истории. По возвращении на родину, после 14 лет миссионерской работы, он был осуждён за мирское уклонение и сослан монахом в Валаамский монастырь, где продолжал переводить вывезенные источники. В 20-е гг. XIX в. он

издал «Историю Тибета и Хухунора», двухтомные «Записки о Монголии», «Историю первых четырёх ханов из дома Чингисова», «Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии» и др. В начале 30-х гг. он вновь некоторое время жил в Кяхте, где добывал китайские рукописи. Здесь он создал описание путешествия по Сибири, отрывки из которого публиковались в «Телескопе» и «Русском вестнике». Благодаря этому посреднику и учёные Запада получали доступ к древнекитайским источникам.

В 30–40-е гг. о. Иакинф опубликовал основные свои работы: «Историческое обозрение ойратов, или калмыков, с 15-го столетия до настоящего времени», «Статистическое описание Китайской империи». Заслуги его как переводчика (особенно «Китайская грамматика», «Троесловие», переложение многотомной истории Китая) были оценены, монах Бичурин – член-корреспондент Российской Академии наук. Книги Бичурина, прежде всего «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», содержат данные о саках, динлинах, сяньби, хунну, древних тюрках и др.

Лингвистическое изучение приобских угров продвинулось благодаря подвижнической работе финских исследователей М.А. Кастрена, А. Алквиста, У.Т. Сирелиуса и К.Ф. Карьялайнена. Кастрен, изъездивший Нарым, отделил самодийские языки от угро-финских, сделал важные заметки по мифологии и быту кетоязычных народов. Им обосновано генетическое единство самодийских и угорских языков. Он высказал гипотезу о едином праязыке тунгусов, тюрко-монгольских и угро-самодийских народов, которая вызвала длительные дискуссии, но ныне подвергается сомнению. Богата фактическим материалом книга Алквиста «Среди хантов и манси» – путевые очерки, дневники и этнографические зарисовки.

Лидер областников *Григорий Николаевич Потанин* (1835–1920) был исследователем-универсалом, а самый значительный вклад он внес в монголоведение, в изучение тюркского фольклора. Он подружился с Чоканом Валихановым в казачьем кадетском корпусе и стал изучать тюркские языки, а затем и монгольский, в походах и экспедициях собирал сказания, песни и мифы. Ещё офицером, опубликовав ряд статей о Западной Сибири, а затем

книгу «Материалы для истории Сибири», он стал членом Русского Географического общества. После каторги и ссылки (по обвинению в намерении отделить Сибирь от России) он совершил ряд экспедиций в Монголию, Китай, Тибет, Среднюю Азию. Материалы их вошли в книги «Очерки Северо-Западной Монголии», «Тангуты-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия», «Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе». Потанин записал несколько тюркских и монгольских героических сказаний, благодаря его усилиям был издан и переведён вариант знаменитой Гэсэриады «Абай Гэсэр богдо-хан».

По мнению специалистов-современников, в споре с европоцентризмом Потанин допустил «перегиб». Его кредо «Всё – для Азии, всё – из Азии» сложилось как противодействие ускоренной европеизации, хотя как прогрессист (по сравнению с евразийцами) он – умеренный западник. Его позиция в сравнительно-исторической фольклористике характеризуется как монголоцентризм (См.: «Монгольские сказания о Гэсэр-хане: По вопросу о происхождении русских былин», «Громовник по поверьям и сказаниям племён Южной Сибири и Монголии», «Восточные основы русского былинного эпоса», «Сага о Соломоне: Восточные материалы к вопросу о происхождении саги»). Самые ранние мотивы гибели сына Неба на земле он усмотрел в восточных мифах: «... до буддизма в Центральной Азии был культ Арья-Бало, который распространился на Запад...». В восточном «матричном» мифе облик сына Неба двояк. Истоки христианства, настаивал учёный, надо искать в шаманских культах: «Здесь легенды и верования древнее семитских и, зародившись здесь, перешли вместе с переселением семитов на запад». В книге «Ерке: Культ сына Неба в Северной Азии. Материалы к тюрко-монгольской мифологии» исследователь отстаивал гипотезу о зарождении христианских мотивов на кочевом Востоке. Имя этого сына Неба означает сурок, а тюрко-монгольское название христиан – *еркеун*. Потанин считал: тотемный облик героя – свидетельство его глубокой древности. В тюрко-монгольских мифах и сказаниях он видел «живую старину» Европы и России.

Эволюционизм – мировоззренческая основа работ Потанина – исходит из допущения, что к универсальной религии народы приходят из любой точки развития. Но выше всего «сибирский

дедушка» ценил культурное многообразие, испытывал отвращение к имперской «мономании». По его мнению, «христианство получило начало в Южной Сибири», «Легенда о мессии, о сыне Божьем, страстотерпце, явилась в Сибири». Эта гипотеза породила длительную полемику; почти через сто лет она нашла поддержку в *ностратической* теории. Здесь надо отметить, что мотив изгнания с Неба – один из древнейших у многих народов. Так, у самодийцев, кетов и обских угров медведь – посланец Неба. У других народов его место занимает небесный олень (лось), конь и волк.

По совету Потанина в 1889 г. Н.М. Ядринцев предпринял экспедицию в верховья реки Орхон для поисков столицы чингизидов. Ещё в первое путешествие в Монголию Потанин высказал предположение, что «мифический» Каракорум должен находиться здесь, на малой родине Чингисхана, а в 1888 г. он видел холмы-развалины, но отложил раскопки на будущее. По существу, он подарил другу открытие мирового значения: Ядринцев, никогда прежде не бывавший в Монголии, вышел прямо к Каракоруму. Главное же – попутно был открыт ключ к расшифровке орхон-енисейского рунического письма, образцы которого видели и раньше. Но Ядринцев нашёл на одной стеле параллельную запись на китайском и древнетюркском, которая позднее была прочитана Радловым.

Особо следует выделить потанинскую концепцию колонизации и исторического развития Сибири. С Сибирью он связывал следующую фазу существования русского народа, вобравшего значительные элементы восточной культуры: «Народ колонизовал страну на доисторический манер», но «заложил здесь основы своего будущего...». Значителен вклад Потанина и в изучение фольклора нетюркских народов таёжной полосы, он был крупнейшим знатоком шаманизма. Кроме того, он – наставник первых сибирских критиков, ему принадлежит мысль о возможности оригинального развития сибирской литературы.

Как историк Потанин опирался на принцип природно-климатического детерминизма. В этом аспекте он стал предтечей евразийцев: «Пренебрежение учёных к степным народам задерживает развитие науки. Установлению правильных взглядов на роль этих варваров и на историю духовно-культурных заимство-

ваний мешает наше арийское высокомерие, ложная историческая перспектива...». Главное в его наследии – раздумья о настоящем и будущем Сибири, о преодолении её колониального состояния: «Русский народ заложил здесь новые основания для продолжения своей жизни; если представить в будущем Сибирь так же населённую, как ныне Европейская Россия, то нельзя не подумать, что центр тяготения русского государства должен перейти на неё».

В.В. Радлов

Василий Васильевич Радлов (1837–1918), основатель сравнительной тюркологии, лингвист, этнограф и археолог, был сибиреведом широчайших познаний. Он родился в Германии (немецкое имя его – Фридрих-Вильгельм), но рано заинтересовался Россией (предки – полабские славяне), изучал русский язык; после окончания Берлинского университета и защиты диссертации поехал в Россию, планируя изучение тюркских языков. Удивив всех, доктор философии Радлов выбрал должность учителя немецкого и латинского языков в Барнаульском горном училище. В 1856 г. он сделал первые раскопки погребений древней афанасьевской культуры, а дальше с 1859 по 1871 г. ежегодно предпринимал экспедиционные поездки, изучал тюркские языки и фольклор. Он переводил и публиковал тексты, стал единственным европейски образованным знатоком алтайского, тувинского, шорского, телеутского, хакасского, татарского языков, занимался сопоставительным анализом языков больших и малых тюркских народов.

Изучив Горный Алтай, Радлов проехал в Минусинскую котловину и побывал в Туве (тогда территория Китая), затем предпринял поездку в Среднюю Азию, описал быт и религию киргизов и казахов Большой орды, побывал в Бухаре, Самарканде для приобретения литературы на узбекском и туркменском языках. Далее он вёл исследования среди западносибирских татар (томских и барабинских), тем самым получил материал почти по всем тюркским языкам Северной Азии, исключая якутов. Побывать у них ему не удалось, но он получил тексты на якутском для работы по сравнительному анализу тюркской языковой семьи. Главная заслуга Радлова – публикация фольклорных материалов, до того не известных науке. Он опубликовал и перевёл классический памятник древнетюркской письменности «Кутадгу билиг» а также значительную часть киргизского эпоса «Манас» – одного из самых крупных эпических сказаний (больше него только «Махабхарата»).

Особая заслуга его – расшифровка орхоно-енисейской письменности, первые переводы рунического письма. Дешифровка надписей на стелах Каракорума была сделана им совместно с датским лингвистом В. Томсеном. Систематизация сведений о жизни тюркских каганов раннего Средневековья приоткрыла важные страницы истории Сибири. Кроме того, учёный собрал, перевёл и сделал достоянием мировой науки фольклор алтайцев, телеутов, шорцев, хакасов. Он первым изучал тувинцев, которых тогда называли *сойотами* или *урянхайцами*, ввёл в научный оборот их самоназвание. Он же употреблял этноним *шор* (шорцы), указал на сочетание самодийской и тюркской составляющих в языке и культуре *тофалар*. Часть своих работ он публиковал по-немецки, и они становились известными западным тюркологами («Письма с Алтая», «Этнографический обзор тюркских племён Сибири и Монголии», «Из Сибири»), часть – по-русски: «Образцы народной литературы тюркских племён» (СПб., 1866), четырёхтомный «Опыт словаря тюркских наречий» (СПб., 1888–1911). Радлов изучал шаманский культ у народов Сибири. Здесь он был знатоком: диссертация его посвящена религиозным культам Востока.

Одним из первых Радлов вёл археологические раскопки в Сибири на уровне тогдашней европейской науки. Он сделал выдающееся открытие, раскопав Большой Катандинский курган,

первый из системы Пазырыкских. В нём, в ледяной линзе, найдены сохранившиеся изделия из кожи и дерева, образцы искусства, одежда и утварь скифской эпохи. По программе Радлова Д.А. Клеменц провёл ряд раскопок в Туве и открыл уйгурские городища. Радлов подготовил атлас рисунков сибирских древностей. С 1871 г. учёный поселился в Казани, где и написана книга «Из Сибири». После публикации его книг в Лейпциге и Петербурге он был избран академиком и переехал в Петербург. Здесь он возглавил общество изучения Сибири и воспитал немало учеников. И в 80-е гг. учёный предпринимал поездки в Сибирь, руководил раскопками в Минусинской котловине и в Барабинской степи.

Большое влияние на развитие ботаники в Сибири оказал **Порфирий Никитич Крылов** (1850–1931). Родился в крестьянской семье, в Минусинском уезде, и отвечал идеалу Потанина, ожидавшего, что после открытия Сибирского университета в науку придут исследователи «от земли». Крылов прошёл путь от садовника до преподавателя университета, члена-корреспондента Академии наук, сформировал школу ботаников и создал, кроме прочего, ботанический сад при Томском университете. Он автор капитальных трудов «Флора Алтая и Томской губернии» (в семи томах), «Научные очерки Томского края», «Очерк растительности Томской губернии», «Флора Западной Сибири» (в 2 книгах).

Особенно интересны изыскания Крылова в области исторической ботаники. Он установил передвижение границы тайги и степи в разные геологические периоды и сделал значительный вклад в экологию. Так, им описана единственная в Сибири липовая роща в Горной Шории (реликт, сохранившийся от доледникового периода), он впервые посадил липу в Университетской роще, привёз деревья-эндемики из уссурийской тайги, описал крупные кедровники Сибири. Гербарии Крылова, созданные после десятков экспедиций, положили начало новому направлению – флорогенетическому. Учёный описал общие закономерности складывания травяных и лесных зон в Северной Азии («Тайга с естественно-исторической точки зрения»). Школа Крылова известна в мире фронтальным исследованием больших районов растительности в историческом и экологическом аспектах.

Василий Васильевич Сапожников (1861–1924) – крупнейший представитель сибирской ботанической школы, участник экс-

педиций Крылова, исследователь Алтая и Нарыма (больше 20 экспедиций), известен как автор книг «По Алтаю», «Катунь и её истоки», «Растительность Алтайского округа», «Земли Кабинета Его Величества». В известной книге «Сибирь, её современное состояние и её нужды» (1908) напечатан его труд «Географический очерк Сибири», а в не менее известном до революции трёхтомном энциклопедическом справочнике «Азиатская Россия» – ряд концептуальных обобщений о природе Сибири. Больше всего он известен как исследователь ледников Алтая. В поисках центров оледенения он описал два не нанесённых на карту ледника. Следы древних ледников учёный нашёл по сообществам тундровых растений на Алтае. За исследование Монгольского Алтая он награждён был высшей наградой Русского Географического общества – большой золотой медалью. Дважды избирался ректором Томского университета.

В.В. Сапожников

Круг профессиональных интересов Сапожникова – физиология растений, растительность Сибири в связи с историей климата. Его по заслугам считали главным специалистом по флоре Южной Сибири, в Горный Алтай он предпринимал почти ежегодные экспедиции, описал ледники и режим рек. В пореволюционное время он изучал природу Нарыма и тундры Западной Сибири. Но ботаника Сапожникова Русское Географическое общество избрало своим действительным членом за фронтальное описание регионов Сибири.

Убеждённый областник, член Сибирского правительства, В.В. Сапожников стал одним из организаторов Института исследования Сибири, задуманного как начало Сибирского отделения Российской академии наук. Многоотраслевой Институт исследования Сибири был открыт в Томске во время Гражданской войны, и на его базе позднее созданы Сибирский физико-технический институт в Томске, Институт народного хозяйства в Новосибирске, Сибирский металлургический институт (открыт в Томске, переведён в Кузбасс), сельскохозяйственный институт в Омске. Здесь же был предложен проект Урало-Кузнецкого металлургического комбината, осуществлённый при советской власти. Но большевики, увидевшие в этом «колчаковском» создании идеи областничества, расформировали его. В 30-е гг. его организаторы и видные деятели подверглись преследованиям.

Владимир Афанасьевич Обручев (1863–1956), выдающийся геолог и географ, академик (с 1929 г.), много сделал для изучения природных ресурсов Северной Азии. Состояние исторической геологии Сибири «до Обручева» историки характеризуют как донаучный период. Приехав в Иркутск по окончании Петербургского горного института, он стал единственным на всю Восточную Сибирь специалистом-геологом, в 1892–1894 гг. участвовал в экспедиции Потанина в Китай и Центральную Азию, называл его в числе своих учителей и создал первую книгу о выдающемся исследователе и просветителе Сибири.

В.А. Обручев

В Восточной Сибири, на крайнем Северо-Востоке и в Приамурье он исследовал золотоносные районы, описал основные хребты и горные системы Северной Азии в аспекте исторической геологии. В течение полувека Обручев был крупнейшим знатоком исторической геологии Сибири, занимался не столько прикладными, сколько фундаментальными исследованиями. Его специальность – палеозой Северной Азии. После открытия Томского технологического института Обручев преподавал в нём курсы «Петрография», «Полезные ископаемые», «Практическая геология» и, по существу, организовал сибирскую геологическую школу.

Большую часть жизни В. Обручев провёл в экспедициях и создал картину геологического строения главных сибирских возвышенностей, прошлого Западно-Сибирской низменности. Он был первым специалистом в области мерзловедения – исследовал историю оледенения и влияние «вечной мерзлоты» на климат. Классическими трудами остаются его трёхтомная «Геология Сибири» и пятитомная «История геологического исследования Сибири» (обе получили высшие государственные премии); из ранних трудов не утратили значения книги «Селенгинская Даурия» (2 тома), «Геологические обзоры золотоносных районов Сибири» (переведена на европейские языки), «Центральная Азия, Северный Китай и Нань-Шань: отчёт о путешествии 1892–94 годов» (2 тома). Именно Обручев приоткрыл геологическую историю Сибири для учёных всего мира. Человек разносторонних дарований, академик Обручев наделён был и литературным талантом. Интересны его путевые очерки, описания экспедиций в Гоби и Центральную Азию. Кроме того, он автор фантастических романов «Плутония» и «Земля Санникова».

Николай Николаевич Козьмин (1872–1938) – один из крупнейших историков пореволюционной эпохи, человек с трагической судьбой. Признанный исследователь, руководивший коллективом историков «Сибирской советской энциклопедии», он подвергся репрессиям. Редколлегия энциклопедии, заподозренная в верности областнической школе, была частью уничтожена, частью разогнана, так что издание оборвано на букве «Н». По окончании Петербургского университета он работал в Восточной Сибири, изучал аграрные отношения («Хлеб за ясак», «Администрация го-

сударевой пашни в Сибири в XVII веке»), стал видным исследователем коренных народов Северной Азии (см. его работы «Туба», «Бурятия в географическом и экономическом отношении», «Хакасы», «К вопросу о происхождении якутов-сахалар»); 1919 г. он эмигрировал в Манчжурию, а после окончания Гражданской войны вернулся на родину. В Иркутске Козьмин стал профессором кафедры краеведения. Его оценку войны енисейских киргизов с русскими как борьбы за национальную независимость позднее поддержал С. В. Бахрушин, но резко осудили официозные историки. Около 70 лет козьминская трактовка истории хакасов и киргизов подавалась как пример «буржуазного национализма».

Главное в наследии Н.Н. Козьмина – учение о хозяйственно-культурных типах в дорусской Сибири – охотничьем, скотоводческом и земледельческом – как расшифровка азиатского способа производства («К вопросу о турецко-монгольском феодализме»). Учёного обвинили в игнорировании надстроечных категорий, в отступлении от марксистской схемы исторических формаций: он не нашёл свидетельств рабовладения в кочевых империях. В дискуссии 1934 г. позиция Козьмина была подвергнута костоломной критике, условием пребывания учёного в университете было выставлено его публичное покаяние. В 30-е гг. Козьмин занимался историей общественной мысли в Сибири, написал книги о Чапове и Клеменце, перевёл на русский язык работы В. Радлова, изданные в Германии, начал работу над «Энциклопедией Дальневосточного края» (опубликован проспект).

Н.Н. Козьмин был одним из руководителей Восточносибирского отделения РГО, членом-корреспондентом Центрального бюро краеведения. Но с конца 20-х гг. краеведческие издания в стране стали исчезать (например, была закрыта газета «Краеведческий труд»), осуждена программная статья Козьмина «Методы научной работы в краеведении». В «Сибирской советской энциклопедии» Козьмин был редактором отделов «Население, народности», «История, археология», одним из редакторов 2-го и 3-го томов (4-й том остался в корректуре). В 1937 г. профессор Козьмин был арестован и обвинён в подрыве советской науки с мелкобуржуазных позиций. Его теория культурных типов и смены хозяйственных областей в Сибири оказалась перспективной и нашла развитие в работах Бахрушина, Шункова и других сибиреведов.

Сергей Владимирович Бахрушин (1882–1950), ученик В.О. Ключевского, член-корреспондент Академии наук, лауреат Государственной премии СССР (1942), основное внимание в своих исследованиях уделил проблеме колонизации Сибири. Ей посвящены труды «Ясак в Сибири», «Очерки по изучению колонизации Сибири в XVI–XVII вв.», «Енисейские киргизы в XVII в.» и др. Историк блестяще владел стилем, интересны его книги, посвящённые локальным темам: «Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в.», «Мангазейская мирская община XVII в.». В 20-е гг. он опубликовал ряд перспективных работ («Исторический очерк заселения Сибири», «Исторические судьбы Якутии», «Самоеды в XVII в.», «Остяцкие и вогульские княжества»), но подвергся репрессии по сфабрикованному ОГПУ «академическому делу». Тогда был нанесён удар по русской исторической науке: осудили более 100 видных исследователей, в их числе выдающихся учёных Е. Тарле, С. Руденко, С. Платонова, А. Андреева. Бахрушина обвинили в пропаганде буржуазной (областнической) теории колонизации, хотя он всячески подчёркивал имперский характер колонизации, даже укрупнял классовый характер русского влияния. Позднее он скорректировал прежнюю позицию, указав на цивилизационный позитив: преодоление вековой раздробленности и междоусобиц, сравнительно «мягкий» характер данничества Москве по сравнению с угнетением кыштымов чингизидами и правителями Джунгарской орды.

Вернувшись после пятилетней ссылки (в Семипалатинске), учёный приступил к переизданию книги Миллера «История Сибири», написал обширный очерк «Г. Миллер как историк Сибири». Был сделан новый перевод и комментарий, однако до войны не удалось издать все три тома этого классического труда. В полном объёме труд Миллера вышел на русском языке только в 1999–2005 гг. (с комментарием и вступительной статьёй Бахрушина).

Главная заслуга Бахрушина – разработка основ советской концепции колонизации Северной Азии на основе многочисленных архивных и печатных материалов. Русское владычество в Сибири, подчёркивал учёный, имеет два аспекта: военно-административный и культурно-хозяйственный. Причем торгово-промысловые связи начались задолго до похода Ермака как расширение владений Великого Новгорода, затем, после покорения Казани, этот процесс продолжила Москва. Но и на этом этапе

раньше острогов вырастали охотничьи зимовья. Автор дал и подробные характеристики русских «конкистадоров», отметил также перемежающееся преобладание волн государственной и вольно-народной колонизации. После смерти учёного изданы его избранные научные труды в 3 томах (М., 1955).

Лев Николаевич Гумилёв (1912–1992), этнолог и историк евразийского направления, большую часть своих работ посвятил истории кочевых народов Северной Азии. Первые его книги, опубликованные после трёх сроков заключения (он провёл в лагерях около 14 лет), посвящены тюркам: «Хунну», «Древние тюрки». История хунну (гуннов) – начало сибиреведческих исследований Гумилёва. Как небольшой народ породил своего рода лавину, дал толчок т.н. великому переселению народов? После распада скифо-сарматского единства тюрки получили гегемонию в евразийских степях и начали цикл средневековой истории Сибири. Этнолог установил: скифский этногенез – около полутора тысяч лет, и столько же – тюрко-монгольский, это, по Гумилёву, стадии формирования евразийского суперэтнуса, который затем продолжила Россия. Экспериментальный бестселлер «Поиски вымышленного царства» (о христианском государстве на монгольском Востоке) завершил «степную трилогию», в которой высказаны основные наблюдения над кочевыми культурами. Обобщены размышления о культуре степи и леса в книгах «Древняя Русь и Великая степь», «От Руси к России: Очерки этнической истории», «Ритмы Евразии» (опубликована посмертно).

Л.Н. Гумилёв

Учёный завершал евразийскую концепцию, согласно которой качествами культурного организма обладает не языковая общность народов, а племена и государства, существующие на одной территории: они обречены на создание единой культуры. Ключевое понятие в евразийской историософии: *месторазвитие*. Евразийцы опирались на принцип природно-географического детерминизма и разделяли мысль Шпенглера: следующим всемирно-историческим типом культуры будет русско-сибирская культура.

В качестве главного в истории Сибири Лев Гумилёв выделял контакты суперэтнсов и дал типологию контактов: «Либо этносы сосуществуют рядом, помогая друг другу в ведении натурального или простого товарного хозяйства, – *симбиоз*; либо небольшая группа чужого этноса вредяется в среду аборигенов и бытует в относительной изоляции – *ксения*; либо пришлый этнос узурпирует ведущие позиции в местном этносе или захватывает целые профессии – *химера*. А иногда слабопассионарный этнос растворяется в соседе путём смешанных браков – *ассимиляция*». Л.Н. Гумилёв понимал этнологию как науку о приспособлении народов к «кормящему ландшафту»: «Нет народов плохих или хороших – они разные. Но у любого есть момент рождения, развития и умирания». Не «многовековая отсталость», а разные фазы этногенеза; «народы, которые иногда называют “отсталыми”, “примитивными”, – просто реликты этносов, переживших свой расцвет». Народности тундры и тайги – это осколки некогда больших суперэтнсов. Все народы проходят одни и те же стадии развития: «подъём, пассионарный перегрев, инерция и обскурация, после которой наступает гомеостаз, который уже не фаза развития, а состояние в природной среде». Этнолог отметил, что всю жизнь боролся с предубеждением, будто кочевые народы Евразии представляют собой «аморфную массу варваров».

В цикле очерков, составивших позднее книгу «Чёрная легенда. Друзья и недруги Великой степи», он подхватил мнение евразийцев-эмигрантов (Н. Трубещкого, Г. Вернадского, П. Савицкого): монголо-татарское владычество нельзя свести к разорениям и погромам, так как установился симбиоз и ордынцы защищали Русь от не менее агрессивного Запада. Г.В. Вернадский подчёркивал: «Для Руси оказались открытыми дороги на

Восток... Основное русло исторического развития русской государственности пролегло не в западной, охваченной латинством, Руси, а в восточной, захваченной монгольством». Гумилёв продолжает эту мысль: «Российское государство есть государство евразийское». После падения Золотой Орды колонизация получила восточное направление. Это четвёртый период истории Евразии. В XX веке здесь, в результате революции под марксистскими (западными) лозунгами, образовалась антисистема, истреблявшая народ и живую природу. Советскую империю евразийцы оценили негативно ещё в 20-е гг.: «Коммунистический шабаш наступил в России как завершение двухсотлетнего периода европеизации» (П. Савицкий).

Учёный видел положительные качества русской колонизации в сравнении с английской: «не было тотального уничтожения слабых народов по принципу расы или идеологии». Примечательно его расхождение с А. Окладниковым в проблеме сохранения реликтовых этносов. Выдающийся археолог считал, что «необходимо стремиться не к изоляции этих культур, а, наоборот, открывать им широкий путь в современную действительность». Это близко к концепции А. Тойнби: выживание как способность ответить на *вызов истории*. Но этносы-реликты могут сохраниться лишь в той природной среде, в которой сложилась их культура. Л. Гумилёв высказался так: «Нравственным будет сохранить эти народы в органичной для них среде обитания такими, какие они есть... не надо их ломать, предлагая взамен наше на том основании, что наше связано с лучшей техникой и наукой».

Идеи Л. Гумилева встретили сопротивление в Советском Союзе, в течение десятков лет евразийская историософия квалифицировалась как *реакционная*. Марксистский (формационный) подход породил доктрину ускоренного развития бесписьменных культур, поощрявшую аккультурацию народов Северной Азии. Предел такого развития – возникновение химеры, когда народам навязывают губительные для них поведенческие стереотипы. Спорят с Гумилёвым, главным образом, этнографы, но он не занимался конкретной (описательной) этнографией, он – один из создателей теоретической этнологии. В книге «Этногенез и биосфера Земли» он сделал вывод о появлении позитивной и негативной экологии на восходящей и нисходящей фазе истории

народов. Есть возрастные болезни этносов: опустошение природы – свидетельство *обскурации* («фазы тьмы»), после которой остаются реликты, этнические осколки. Народы таёжной полосы Сибири, давно пережившие фазу надлома, жили в равновесии с природой, их национальная история завершена, и вопрос сводится к тому, сколько лет или веков позволят им сохраниться соседи. Но «судьба всех этносов – постепенный переход к этноландшафтному равновесию».

Новейший этап сибиреведения связан с открытием Сибирского отделения Академии наук. **Алексей Павлович Окладников** (1908–1981) – крупнейший специалист мира в археологии Северной Азии, первооткрыватель палеолита Сибири. Научно-творческий путь учёного осветил его ученик А. Деревянко в книге «В поисках Оленя золотые рога» (используя название книги самого учителя «Олень золотые рога»). Окладников считал, что главное в работе археолога – уметь вжиться в далёкую культуру и заразить своим интересом молодёжь, он создал ряд блестяще написанных популярных книг: «Заселение Земли человеком», «Лики древнего Амура», «Утро искусства», «Северная Азия на заре истории», «Открытие Сибири». Большую часть жизни он провёл в экспедициях, писал каждый день – у костров, в палатках при свете фонарика – и оставил обширное наследие. Окладникову принадлежат классические труды по истории якутов и сопредельных народов: «История Якутии» (в трёх томах), «Ленские древности» (3 тома), «Очерки из истории западных бурят-монголов XVII – XVIII вв.», «История и культура Бурятии». Основной его вклад – изучение каменного века Северной Азии («Палеолит Монголии», «Палеолит Центральной и Восточной Азии», «Неолит и бронзовый век Прибайкалья»).

Открытие палеолитических стоянок в Сибири, сделанное Окладниковым, было скептически встречено некоторыми западными специалистами. Но радиоуглеродный метод развеял сомнения: в доледниковой Сибири климат был иным и могли жить архантропы. Под *открытием Сибири* Окладников понимал три волны её заселения: каменный век, эпоха бронзы и Средневековье, заселение русскими. В 1933 г. открыто палеолитическое поселение Буреть в Приангарье, а затем – Мальта, Улалинка; им описаны наскальные рисунки Каменных островов, знаменитая

ныне Шишкинская писаница. Острую дискуссию вызвал вопрос о заселении Америки.

А.П. Окладников

Известны гипотезы, будто американоиды – потомки этрусков, китайцев или японцев. Тур Хейердал предпринял рискованное плавание через океан на плоту для доказательства возможности переселения австралоидов в район Амазонки. В США популярна была концепция В. Йохельсона, включавшего палеоазиатов в группу американоидов. Его систематизация далека от принципов современной науки. В группу «монголоидов» он включал «финские, самоедские, монгольские и тунгусские племена», а непомерно расширенная группа «американоиды» включала в себя чукчей, камчадалов, коряков, юкагиров, алеутов и эскимосов (айны, объединённые почему-то с хантами, были отделены от неё и от близких им нивхов), а тюрки и монголы отнесены к разным семьям на основе происхождения. Теперь доказано, что 10–11 тысяч лет назад исчез перешеек, соединявший Азию с Америкой. Окладников нашёл свидетельства перемещения народов Азии в Северную Америку в мезолите и возглавил русско-американский симпозиум по древним связям. Он выдвинул гипотезу: Центральная Азия – прародина человека разумного, правда, позднее отказался от неё.

Значителен вклад учёного в организацию науки. Став с 1925 г. сотрудником института археологии, он организовывал экспеди-

ции в Сибирь, а в 1961 г., при создании Сибирского отделения Академии наук, переехал в Новосибирский Академгородок и возглавил сектор гуманитарных исследований. С 1966 г. это Институт истории, филологии и философии АН СССР. Под его руководством в 60-е гг. вышла пятитомная «История Сибири» и цикл исследований: «История крестьянства Сибири», «История рабочего класса Сибири».

Исследователи нескольких поколений заложили основу формирования школ сибиреведения не в далёком зарубежье или Петербурге, а непосредственно в Северной Азии, что свидетельствовало о новом этапе самосознания – научно-историческом и культурологическом.